

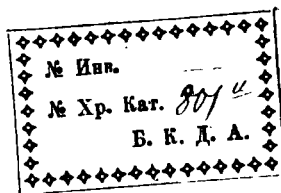
ЗАПИСКИ СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВЪВЕДЕНІЕ VI,

ИЗДАННАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ПРАВИТЕЛЯ ДѢЛА
СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

А. С. СТЕБНЕВА.

ИРКУТСКЪ.

Въ типографіи штаба войскъ.

1863.

Печатано съ одобренія цензуры.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I

ИЗСЛѢДОВАНИЯ И МАТЕРІАЛЫ.

	страни.
1. Поѣздка изъ Якутска на Учурскую ярмарку. А. ПАВЛОВСКАГО, члена—сотрудника Отдѣла.	1
2. Историческій очеркъ якутскаго Тамгинскаго желѣзодѣлательнаго завода и Юндыбальскаго серебрянаго рудника въ Верхоянскомъ округѣ. В. РАЙСКАГО, члена—сотрудника	24
3. <u>Объ осякахъ, тунгусахъ и проч. инородцахъ Енисейскаго округа.</u> М. КРИВОШАПКИНА.	39
4. Очеульскіе и тутурскіе тунгусы въ Верхоянскомъ округѣ. П. КЛАРКА, члена—сотрудника Отдѣла	87
5. Нѣсколько словъ объ Аргуни и объ истинномъ источникѣ этой рѣки. Н. КАШИНА, дѣйствительнаго члена Общества.	97
6. Замѣтка на статью: «Нѣсколько словъ объ Аргуни». К. БУДОГОСКАГО, дѣйствительнаго члена Общества	105
7. Кайбалы. Кн. Н. КОСТРОВА, члена—сотрудника.	109
8. Шушенская волость Минусинскаго округа. ЕГО ЖЕ.	118
9. Бирюсы. ЕГО ЖЕ.	126

II.

СМѢСЬ.

Стр.

1. О полярной экспедиціи, предпринимаемой докторомъ Гайесомъ. АРГЕНТОВА, члена-сотрудника.	1
2. Глубина Байкала. Д. РОМАНОВА, дѣйствительнаго члена Общества	7
3. Миражъ въ окрестностяхъ г. Селенгинска. П. КЕЛЬБЕРГА.	16
4. Минеральный ключъ на берегу рѣки Хилка. ЕГО ЖЕ	19
5. Мѣсторожденіе мрамора въ Минусинскомъ округѣ	25
6. Замѣтка о перемѣнахъ погоды, въ С. Михайловскомъ, на р. Амурѣ. Свящ. ТИТОВА.	29
7. Путевыя замѣтки о Нерчинскомъ округѣ. АНОСОВА.	33
8. Замѣтки изъ дѣлъ якутскаго архива. РАЙСКАГО.	38
9. Извѣстія о дѣйствіяхъ горно-поисковой партіи въ Приморской области Восточной Сибири въ 1857 и 1858 г. АНОСОВА.	40

III.

ЛѢТОПИСЬ СИБИРСКАГО ОТДѢЛА.

1. Частное засѣданіе Сибирскаго Отдѣла, 25 января 1858 г.	1
2. Частное засѣданіе Сибирскаго Отдѣла, 23 февр. 1858 г.	2
3. Частное засѣданіе Сибирскаго Отдѣла, 12 марта 1858 г.	4
4. Общее засѣданіе Сибирскаго Отдѣла, 14 мая 1858 г.	8
5. Общее засѣданіе Сибирскаго Отдѣла, 21 мая 1858 г.	13
6. Частное засѣданіе Сибирскаго Отдѣла, 25 октября 1858 г.	17
7. Частное засѣданіе Сибирскаго Отдѣла, 27 октября 1859 г.	28

IV.

ОЧЕУЛЬСКІЕ И ТУТУРСКІЕ ТУНГУСЫ ВЪ ВЕРХОЛЕНСКОМЪ ОКРУГѢ. (*)

Очеульскіе тунгусы бродятъ между сѣверозападнымъ берегомъ Байкала, рѣками Манзуркою и Ангою, впадающими въ Лену, и хребтами, сопровождающими сѣверные притоки рѣки Киренги. Тунгусы эти, для вноса лсака, собираются къ озеру Очеуль, лежащему отъ Качугской слободы на сѣверовостокъ въ 50 верстахъ, и обыкновенно два раза въ годъ: къ 9 мая, или, какъ они говорятъ, къ *всшнему Николѣ*, и къ половинѣ ноября. Отъ этого озера они и получили названіе Очеульскихъ.

По послѣдней (10) народной переписи, оказалось Очеульскихъ тунгусовъ: мужчинъ 241 и женщинъ 229; по предшествовавшей же переписи ихъ было: мужчинъ 256 и женщинъ 254. Уменьшеніе тунгусовъ повсемѣстно, и въ этомъ отношеніи послѣдняя народная перепись, по всей вѣроятности, под-

(*) Иркутской губерніи.

твердить ихъ умаленіе. Прежде цѣлыя поколенія тунгусовъ искоренялись оспою; нынѣ цѣлыя семьи ихъ вымираютъ отъ горячки.

Хотя оспопрививаніе, несмотря на сознаваемую тунгусами его пользу, плохо между ними распространяется; но надо замѣтить, что и натуральная оспа нынѣ не свирѣпствуетъ между ними; ея мѣсто заступила горячка, развитію которой и большею частію несчастному исходу содѣйствуютъ ихъ жилища, образъ жизни, скудость и не разборчивость нищи, ими употребляемой; къ тому же заболѣвшій, что бы облегчить, хотя временно, палящій жаръ горячки, кидается въ снѣгъ и не рѣдко умираетъ въ снѣжномъ сугробѣ.

Тутурскіе тунгусы, называющіеся такъ по имени рѣчки Тутуры, впадающей съ правой стороны въ Лену, ниже города Верхоленска, въ 90 верстахъ, бродятъ по р. Тутурѣ и ея притокамъ: Обурѣ, Чикану и Буркалѣ и по р. Пльдѣ, впадающей въ р. Илгу.

По послѣдней переписи Тутурскихъ тунгусовъ оказалось: 116 мужчинъ и 137 женщинъ; по 9-же переписи ихъ было: мужчинъ 124 и женщинъ 139.

Будучи вытѣснены русскими и бурятами отъ значительныхъ рѣкъ и рѣчекъ, какъ-то: Лены, Манзурки, Илги и Анги, Очелульскіе и Тутурскіе тунгусы раздѣлили между собою второстепенныя рѣчки и ключи, и бродятъ нынѣ въ своихъ *ухожьяхъ*, или такъ называемыхъ *покатахъ*.

Покать вполнѣ характеризуетъ эту мѣстность, постепенно возвышающуюся отъ устьевъ рѣчекъ къ ихъ вершинамъ. Эти покати, составляющія распадки между горами и цѣлыми цѣпями хребтовъ, въ которые уходятъ тунгусы, и называются *ухожьями*. Здѣшнія покати покрыты дремучимъ лѣсомъ, наполненнымъ лосями, называемыми въ Сибири сохатыми, дикими оленями, козами, изюбрами, бѣлками, лисницами, зайцами, волками и медвѣдями.

ми. Звѣри эти служатъ тунгусамъ всеневною и единственною пищею; изъ шкуръ ихъ дѣлаютъ они себѣ одежду, уплачиваютъ ими ясакъ и остальныя вымѣниваютъ на хлѣбъ, порохъ, свинецъ, дабу и китайку. Нѣкоторые изъ тунгусовъ, болѣе другихъ обрусѣвшіе, держатъ лошадей и коровъ и потому выбираютъ для жилищъ мѣста пастбищныя, не удаляясь въ глубь лѣсовъ. Они живутъ или въ срубленныхъ черныхъ избахъ, или въ конусообразныхъ шалашахъ, укрытыхъ лиственничною корою, тогда какъ уходящіе въ даль ихъ сородцы, имѣя лишь оленей, почти каждый день переносятъ съ мѣста на мѣсто свои берестянные урасы, и большую часть лѣта проводятъ вблизи тѣхъ высокихъ хребтовъ, покрытыхъ снѣгами, на которыхъ олени ихъ, въ знойные дни лѣта, спасаются отъ жара и комаровъ. Эти хребты облегаютъ побережья Байкала и вершины рѣкъ Лены и Киренги.

Вершины горъ, называемыя гольцами, покрыты большею частию вѣчнымъ снѣгомъ, и лишь второстепенные по высотѣ гольцы обнажаются отъ снѣга въ послѣднихъ числахъ іюня. Здѣшніе гольцы, между прочимъ, тѣмъ замѣчательны, что иногда попадаютъ на нихъ соболи, лучшаго качества, какъ по темнотѣ цвѣта, такъ и по нѣжности шерсти, извѣстные подъ названіемъ каменныхъ. Хребты эти лишены всякой растительности, исключая моха, составляющаго любимую пищу оленей.

Бродячій тунгусъ безъ оленей какъ, говорятъ они, —человѣкъ пропацій. Вообще здѣшніе тунгусы до того бѣдны, что между ними тотъ считается богатымъ, кто имѣетъ до сорока оленей.

Берестянные урасы оленныхъ тунгусовъ не доставляютъ ни простора, ни другихъ какихъ либо удобствъ, кромѣ защиты отъ дождя и вѣтра и легкости при ежедневной перевозкѣ и установкѣ ихъ на новомъ мѣстѣ кочевья. Десятка два жердей, связанныхъ въ концѣ, ставятся стойкомъ на землю; конусъ этотъ покрывается вываренной въ водѣ берестой, сшитой въ длинныя, широкія полотнища; на верху урасы оставляется отверстіе для выхода дыма, отъ постоянно горящаго въ урасѣ огня. Ковры, сшитые изъ кожъ оленьихъ или дикихъ козъ, служатъ постелью

тунгусамъ, а берестянные побочни, сдѣланные въ видѣ не большихъ овальныхъ чемодановъ, замѣняютъ мебель. Въ побочни эти кладутъ продовольственные припасы, лишнюю одежду и прочій скарбъ, и попарно навьючиваютъ на оленя. Котелъ, нѣсколько деревянныхъ чашъ и ложекъ, берестянные туезки или бураки, составляютъ весь домашній скарбъ оленнаго тунгуса. Къ числу этого скарба должно отнести также люльки для грудныхъ дѣтей, сшитыя изъ бересты. Дитя, зашнурованное ремнемъ въ этой люлькѣ и висящее на одной изъ жердей урасы или съ боку оленя при перекочевкѣ, сосетъ кусокъ жиру, привязаннаго къ палочкѣ, не допускающей проглотить этотъ питательный сосокъ.

Оленьи кожаные унты, лосинные шаровары и дабовая или китайчатая, всегда синяя, рубаша, общая принадлежность костюма тунгусовъ обоюго пола. Лѣтомъ они носятъ короткіе кафтаны, сдѣланные или изъ крестьянскаго темнокоричневаго сукна или изъ китайки и дабы. Женщины предпочитаютъ голубой и зеленой цвѣтъ. Зимой короткія оленьи или козьи шубы, которыя обыкновенно носятъ шерстью вверхъ, а у богатыхъ можно встрѣтить крытыя сукномъ и китайкой. Русскія шапки и лѣтніе картузы, общая принадлежность мужчинъ и женщинъ. Тунгуса отъ тунгуски можно отличить только по числу косъ, заплетенныхъ на головѣ: мужчины носятъ одну корогенькую и на самомъ затылкѣ, а женщины двѣ косы, опущенныя по обѣимъ сторонамъ лица; дѣвушки же заплетаютъ волосы въ нѣсколько мелкихъ косъ, заплетенныхъ на затылкѣ.

Тунгусы, можно сказать, живутъ по русской пословицѣ: «Богъ дастъ день, Богъ дастъ и пищу». Едва начинаетъ свѣтать, тунгусъ, съ винтовкою за плечами и съ собакою, идетъ уже на звѣриную охоту, или осматриваетъ свои добычи и плашки, козьи ямы и капканы для звѣрей. Между тѣмъ жена, снявъ съ мѣста урасу, и навьючивъ ее и прочій багажъ на оленей, отправляется на условленное мѣсто. Не рѣдко случается, что нѣсколько дней сряду несчастье въ уловѣ птицъ и звѣря преслѣдуетъ тунгуса, и тогда онъ и семья его голодуютъ, въ особен-

ности если истощился у нихъ и тотъ не значительный запасъ ржаной муки, которымъ снабжаютъ ихъ русскіе *покрутчики*. Название это вполне характеризуетъ отношенія тунгусовъ къ зажиточнымъ крестьянамъ и торговцамъ, снабжающимъ ихъ въ долгъ хлѣбомъ, солью, порохомъ, свинцомъ, китайкою и дабой, за что потомъ отбираютъ отъ тунгусовъ почти весь звѣриный ихъ уловъ, представляя имъ такіе расчеты, что бѣдный тунгусъ не въ состояніи во всю жизнь уплатить своего долга *покрутчику*, и потому первый всегда въ *покрутъ*, т. е. не можетъ ни съ кѣмъ другимъ, кромѣ своего *покрутчика*, входить въ сношенія и расчеты.

Каждый тунгусъ въ своемъ участкѣ тайги полный хозяинъ. Тутъ вырыты имъ въ удобныхъ мѣстахъ, прикрытыя хвоемъ, глубокія ямы для лосей, изюбрей, козъ, волковъ; тутъ разставлены имъ для хитрыхъ лисицъ желѣзные капканы и въ разныхъ мѣстахъ, на большомъ пространствѣ, насторожены плашки. Эти послѣднія длиною обыкновенно сажени въ двѣ, походятъ устройствомъ на простыя мышеловки, состояція изъ двухъ досокъ; ихъ не ставятъ на землю, но поднимаютъ на аршинъ и даже выше и укрѣпляютъ между двумя деревьями. Верхняя доска, на которую для тяжести кладутся камни или обрубки лѣсинъ, держится на сторожкѣ, или тонкой жердочкѣ, вышиною въ три вершка, и обрушается на нижнюю, когда сторожка будетъ сдвинута; плашки размѣщаются обыкновенно по кедровнику, переносить ихъ не удобно, и потому онѣ не трогаются съ мѣста, пока не изветшаютъ или не изломаются; тогда на то мѣсто становятся другія. Если бѣлка бросается на кедровникъ, орѣхи котораго преимущественно составляютъ ея пищу, то ловъ ея плашками бываетъ обилень; но когда случается не урожай орѣховъ и бѣлка ищетъ пищи въ борахъ—на ельникѣ, пихтѣ, лиственнѣ, березѣ, то она добывается въ меньшемъ количествѣ. Нѣкоторые тунгусы имѣютъ въ кедровникахъ отъ 500 до 1000 плашекъ и вновь раскидываютъ ихъ большею частию по той тропинкѣ, по которой ходятъ осматривать ихъ, вынимая придавленныхъ звѣрковъ и снова настораживая ловушки или возоб-

нояля, въ случаѣ надобности, наживы, которыя выѣдаются иногда мышами. Наживу эту дѣлають изъ древесныхъ опенокъ или кусочковъ мяса и рыбы; на сто плашекъ полагается въ хорошій уловъ до пятидесяти бѣлокъ; но въ плохое время, хорошо, если попадется и десятокъ ихъ.

Самый прибыльный ружейный промыселъ бѣлки начинается въ октябрѣ, съ паденіемъ снѣга, и продолжается до половины декабря, когда бѣлка, отъ морозовъ, начинаетъ прятаться въ гойна—гнѣзды, дѣлаемая или на вѣтвяхъ, или въ дуплахъ деревьевъ. Затѣмъ этотъ промыселъ снова начинается въ февралѣ и прекращается въ мартѣ. Многіе тунгусы, какъ говорится здѣсь, бѣлкують во всю зиму, слѣдя бѣлокъ по *шактарь*, т. е. снѣжнымъ порошинкамъ, которыя бѣлки, выбѣгая изъ гойнъ, роняють съ вѣтвей. Живя постоянно въ лѣсахъ и существуя звѣропромышленностію, тунгусы приобрѣтають въ звѣрованѣ удивительный навыкъ и въ этомъ случаѣ гораздо искуснѣ крестьянъ и бурятъ, для которыхъ звѣриный промыселъ составляетъ второстепенное занятіе. Навыкъ этотъ такъ великъ, что тунгусъ даже въ непогоду узнаетъ на какихъ деревьяхъ скрываются звѣрки, или гдѣ гнѣзда ихъ пусты, ибо привычный глазъ его отличаетъ шактору отъ снѣга, падающаго въ непогоду. Подмѣтивъ притаившуюся на деревѣ бѣлку, тунгусъ ставитъ винтовку на сошки или двѣ деревянныя рогульки, прикрѣпленныя къ винтовочной ложѣ близъ дула, и, дорожа каждымъ зарядомъ, старается стрѣлать прямо въ голову звѣрка; промахъ тунгусъ дѣлаетъ очень рѣдко. Счастливый стрѣлокъ, въ хорошій годъ, убиваетъ бѣлокъ до четырехъ сотъ, въ плохой же едва упромышливаетъ и четвертую долю.

Здѣшняя бѣлка изъ первыхъ рукъ цѣнится отъ 7 до 12 к., смотря по слабому или сильному требованію ея на Нижегородской и Ирбитской ярмаркахъ; но тунгусу, если строго контролировать расчетъ его съ покрутчикомъ, едва ли придется получать за бѣлку болѣе 4 копѣекъ.

Въ то время, когда мужа и взрослые сыновья промышля-

ють звѣря, а лѣтомъ ловятъ рыбу, женщины выдѣлываютъ нужные для одежды звѣриныя шкуры; крутятъ изъ жилъ животныхъ нитки и шьютъ ими, для себя, дѣтей и мужей своихъ, обувь и одежду, наблюдаютъ за оленями и доятъ ихъ, а осенью собираютъ бруснику.

Тунгусы между собою чрезвычайно дружелюбны; съ русскими обходительны и гостепріимны и вообще характера кроткаго; къ вину очень падки и готовы отдать за него все, что имѣютъ. Сами же ни вина, ни тарасуна не дѣлаютъ.

Многіе изъ тунгусовъ приняли православіе; не, сколько по своему невѣжеству, столько и по бездечности и не пониманію своего долга, могутъ назваться христіанами только по имени; большая же часть ихъ придерживается грубаго шаманства.

При рожденіи дитяти, даютъ ему имя перваго вошедшаго въ урасу посторонняго человѣка или перваго понавшагося на встрѣчу животнаго и при этомъ никакого религіознаго обряда не происходитъ.

Бракъ совершается какъ и у бурятъ. Высватавъ, не рѣдко еще въ дѣтствѣ, невѣсту, выплачиваютъ за нее условленный калымъ оленями или звѣриными шкурами. Если же у жениха есть сестра, а у невѣсты братъ, то дѣлается обмѣнъ невѣстами, безъ платы калыма, цѣнность котораго не бываетъ менѣе старублей. Всегда лѣтомъ или весною, въ день назначенный для смотрѣнія невѣсты, ежели только она уже въ совершенномъ возрастѣ, у жениха убиваютъ оленя и сваривши все его мясо, отецъ, мать и родственники жениха везутъ это мясо къ невѣстѣ, у которой ожидаютъ пріѣзда жениха ся родные и гости, собравшіеся къ свадьбѣ. Если могутъ на этотъ случай достать вина или бурятскаго тарасуна, то женихъ привозитъ и его съ собою; мясомъ и виномъ угощаются все. При отъѣздѣ домой, назначается день свадьбы. Наканунѣ свадьбы, подружки невѣсты собираются къ ней и пляшутъ всю ночь. Единственная пляска тунгусовъ состоитъ въ слѣдующемъ: безъ различія лѣтъ, все взрослые мужчины и

женщины, взявшись подъ руку, становятся въ кружокъ и, подъ монотонный припѣвъ: «ехоръ—ехоръ», движутся по солнцу, переступая съ припрыжкою съ ноги на ногу; это движеніе дѣлается то медленно, то быстро, но всегда въ тактъ, соображаясь съ пѣніемъ.

Въ обыкновенное время тунгусы раскидываютъ урасы свои почти всегда въ лѣсахъ, на склонахъ или у подошвы хребтовъ, но въ день свадьбы выбираютъ поляны и мѣста открытыя.

Въ день свадьбы неvěста, тщательно обыкновеннаго одѣтая, со всѣми родственниками и гостями, идетъ къ жениху. Собравшіеся тамъ родные и гости, завидѣвъ толпу, сопровождающую неvěсту, становятся въ кругъ и, въ честь ея пріѣзда, начинаютъ обыкновенную пляску; потомъ принимаютъ неvěсту и, въ сопровожденіи трехъ или пяти женщинъ, отводятъ ее подъ приготовленный деревянный навѣсъ, или особую урасу, гдѣ ждетъ ее женихъ, съ которымъ ее и оставляютъ, а отецъ жениха ведетъ отца неvěсты и прочихъ мужчинъ въ свою урасу. Тутъ подають имъ двѣ деревянные чашки съ виномъ, или тарасуномъ, а за неимѣніемъ того и другаго съ оленьимъ молокомъ. Отливъ раза два—три изъ чашки на огонь, въ знакъ благодарности бурхану за благополучное прибытіе неvěсты, обмѣниваются чашами, привѣтствуя другъ друга по своему словомъ «здравствуй», и испивъ изъ чашекъ, передають ихъ прочимъ; потомъ всѣ выходятъ изъ урасы и усаживаются кружками, по срединѣ которыхъ ставятся котлы съ вареною оленьюю или козымъ мясомъ. Когда все приготовленное будетъ съѣдено и выпито, отецъ жениха уходитъ въ свою урасу, надѣваетъ на себя шубу и подпоясавшись такъ, чтобъ шуба отъ груди далеко отставала, садится въ передней части урасы, передъ огнемъ; тогда женщины, пріѣхавшія съ неvěстой, завѣшивають ея лицо платкомъ и давъ ей мелко наѣзаннаго сваренаго какого либо жиру, вводятъ ее въ урасу свекра. Подойдя къ нему, неvěста кидаетъ на него жиръ и ежели онъ весь попадетъ ему подъ шубу, на груди распахнутую, то неvěста признается за честную дѣвицу. Тогда всѣ, быв-

шіе въ урасѣ, выдаютъ на свекра и вырываютъ изъ запаса хи его жиръ, почитая его за лучшее свадебное угощеніе. Послѣ этого начинается на всю ночь пляска, и только утромъ всѣ разъѣзжаются. Молодая жена съ этого дня или остается у мужа или отвозится обратно къ своему отцу на ранѣ определенное время, и это зависитъ или отъ возраста жениха и невѣсты, или отъ особенныхъ о томъ условій.

Въ несчастіи и болѣзняхъ тунгусы прибѣгаютъ къ шаманамъ и просятъ ихъ умилостивить духа тьмы. Обрядъ этотъ они называютъ, какъ и буряты, *кырыкомъ*. Прибѣгающій къ помощи шамана долженъ принести ему заднее стегно оленя, козы, изюбра или сохатаго. Шаманъ сжигаетъ принесенное и, рассмотрѣвъ обгорѣлую кость, впередъ объявляетъ: можетъ или нѣтъ оказать онъ помощь, и ежели духъ тьмы позволяетъ ему оказать помощь, то указываетъ при томъ, какую жертву требуетъ за то, и обыкновенно назначаетъ одного или двухъ оленей. Въ день кырыка или жертвоприношенія, являсь въ назначенное время къ приглашившему, шаманъ надѣваетъ особый короткій кафтанъ изъ оленьей кожи, съ нашитыми на немъ, кованными изъ желѣза или мѣди, разными фигурами людей, животныхъ, растений и орудій, а на голову островерхую шапку, обвѣшанную такими же вещами, и беретъ продолговато—овальный бубень и небольшую булаву. Сдѣлавъ нѣсколько ударовъ въ бубень, шаманъ раздираетъ кусокъ приготовленнаго бѣлаго, зеленаго или палеваго коленкору на ленты, навязываетъ ихъ на нѣсколько березъ, воткнутыхъ въ землю или въ снѣгъ передъ урасою и прицѣпляетъ на нихъ шкурки: заячьи, бѣличьи и хорьковыя. За тѣмъ, взявши въ руки повязанную лентою пихтовую вѣтвь, зажигаетъ ее, и начинаетъ громко произносить какія-то заклинанія, сперва около березъ, потомъ у котловъ, въ которыхъ варится ранѣ назначенная имъ жертва, колота въ бубень.

Тѣло умершаго не крещенаго тунгуса, одѣтое въ обыкновенное его платье, увозятъ далеко въ лѣсъ, и положивъ на землю, закидываютъ множествомъ сухаго валежника и сучьевъ. Под-

жегши эту кучу, оставляютъ ее горѣть, и потому не рѣдко полюбгорѣлое тѣло достается въ пищу звѣрямъ.

Какъ Очеульскіе, такъ и Тутурскіе тунгусы завѣдываются отдѣльными инородными управами. Въ Очеульской и Тутурской инородныхъ управахъ по одному тунгускому головѣ и старостѣ и письмоводителю изъ русскихъ. Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, въ видѣ опыта, управы эти присоединены: первая къ Манзурскому, а вторая къ Верхоленскому волостнымъ правленіямъ.

Н. КЛАРКЪ,

Чл. Сотр. Отд.

